

Маленький бедняга.

Ся Хуайянь хотел что-то ответить Цзи Цинье, но в итоге так ничего и не произнес.

То ли оттого, что он сонный бредил, то ли из-за высокой температуры, он бессвязно бормотал: «Я увидел брата, и маму тоже хочу увидеть».

Цзи Цинье провел рукой по его брови и глазам, ничего не отвечая.

Ся Хуайянь не проснулся до конца, почувствовав себя в безопасности, он снова забился в объятия Цзи Цинье и заснул.

Во второй половине ночи Ся Хуайянь наконец-то спал спокойно, правда, ему обязательно требовалось, чтобы кто-то был рядом.

Цзи Цинье думал, что тот что-то вспомнил, раз назвал его братом, — это напомнило ему о годах юности.

Тогда Ся Хуайянь точно так же ходил за ним по пятам.

Был очень послушным, вызывал нежность и желание баловать.

Ся Хуайянь перевернулся во сне, прижавшись спиной к Цзи Цинье. Из-за поднимающейся от жара температуры его тело сквозь одежду казалось обжигающе горячим.

Его ноги, ступившие на пол, внезапно ослабли, он сделал небольшой шаг вперед, качнувшись, прежде чем сумел выровнять равновесие.

Цзи Цинье спросил: «Сколько из того, что было вчера вечером, ты помнишь?»

«Мм, мне уже намного лучше. Простите, что побеспокоил вас, Цзи-цзун, о заботе обо мне, пожалуй, сегодня вечером я пойду спать в другую комнату», — Ся Хуайянь сидел спиной к Цзи Цинье, его голос звучал глуховато. — Я сплю беспокойно, так я только помешаю вашему сну.

Он приподнялся на кровати, собираясь идти умываться в ванную, когда заметил, что сидящий рядом Ся Хуайянь приоткрыл рот, словно собираясь что-то сказать, но так и не решился.

Ся Хуайянь хотел высказаться более официально, поэтому поднялся с постели.

Ся Хуайянь опустил голову, выражение его лица было трудно разобрать, лишь то и дело трепещущие ресцы выдавали его нервозность.

«Вид у тебя вполне бодрый, похоже, жар спал».

Внешне он казался невозмутимым, но внутри трепетал от страха, боясь, что Цзи Цинье разозлится.

Цзи Цинье бросил взгляд на наручные часы: было как раз время собираться в компанию.

Проснувшись, Ся Хуайянь почему-то чувствовал, будто ему приснился долгий-долгий сон — запутанный, сумбурный, от которого даже глаза болели.

Услышав это, Ся Хуайянь сквозь туман в голове вспомнил вчерашнюю изнуряющую слабость в теле: кажется, Цзи Цинье возился с ним все это время.

Ся Хуайянь больше не стал заводить об этом речь.

Хотя бывали поступки и похуже, но всё должно было быть совсем не так.

Шаги Цзи Цинье замерли на месте; на мгновение ему показалось, что он ослышался, и он повернулся к нему.

Ся Хуайянь выглядел очень нерешительным, казалось, слова, которые он хотел произнести, давались ему с большим трудом и никак не желали слетать с губ.

Ся Хуайянь думал, что Цзи Цинье, скорее всего, согласится. Он доставил ему столько хлопот, и, как бы сильно тот ни был им «доволен», вряд ли ему захочется таскать за собой бесполезную обузу.

Но стоило вспомнить слова, сказанные ему вчера Ся Сичэном, и то, как хорошо Цзи Цинье относился к нему — возможно, всего лишь из-за того, что он им «доволен», — как Ся Хуайянь набрался храбрости и договорил то, что собирался: «Как только я накоплю достаточно денег, я переведу их господину Линю, чтобы он передал их вам, или вы можете сразу назвать номер карты, и я переведу деньги туда. Как вам будет удобнее?»

Прохладная тыльная ладонь Цзи Цинье коснулась его лба, и это ощущение, переплетаясь с расплывчатыми воспоминаниями минувшей ночи, вспышкой пронеслось в голове. Ся Хуайянь вспомнил, что, кажется, сам притягивал Цзи Цинье к себе и что-то делал.

Подождав добрую минуту и не дождавшись ответа от Цзи Цинье, он поднял голову и увидел, что Цзи Цинье так и стоит на прежнем месте, не шевелясь.

«Если не помнишь, откуда знаешь, что спишь беспокойно?»

Он испугался, но мысли текли медленно, и он лишь машинально повторил слова Цзи Цинье: «Проснулся».

«Как бы то ни было, извините, но поступайте с делами компании семьи Ся так, как сочтете нужным: хотите — отзывайте инвестиции, хотите — продолжайте помогать, я больше не стану умолять вас о чем-либо. Я не хочу вторгаться в вашу привычную жизнь, поэтому я решил уйти».

Ся Хуайянь резко сел на кровати, не смея смотреть правде в глаза. Он-то думал, что в том, что двое мужчин ложатся в постель, нет ничего страшного, но теперь все это казалось уже перебором.

Люди из окружения Цзи Цинье — будь то Линь Фэн или тетя Сунь — обладали прекрасным характером, были толковыми и умелыми, а он на их фоне выглядел совершенно чужеродным элементом.

А ведь еще вчера тот словно узнал его.

Спустя пару секунд Ся Хуайянь заметил, что Цзи Цинье отходит от него все дальше. Боясь, что если он не скажет этого сейчас, то позже у него совсем не останется смелости, он разом выдохнул: «Цзи-цзун, я хочу уйти. Спасибо вам за заботу в эти два дня, после обеда я съеду».

Ложь рассыпалась сама собой. Ся Хуайянь сжал пальцы в кулаки и опустил ресницы. Чтобы Цзи Цинье не наговорил еще чего-нибудь постыдного, он тут же перебил его, выдавив из себя голос тоньше комариного писка: «Я соврал, на самом деле я все помню».

Цзи Цинье посмотрел на прижавшегося к нему Ся Хуайяня, встал и снова пошел отжать влажное полотенце.

Голос мужчины внезапно раздался сверху, и, стоило Ся Хуайяню поднять взгляд, как он тут же встретился глазами с собеседником.

Цзи Цинье не стал спрашивать, почему тот соврал, но разговор о переезде в другую комнату пока отложился.

Вчерашний приступ жара оставил его тело мягким и совершенно лишенным сил.

«Проснулся».

Они снова поцеловались.

Цзи Цинье заметил, что у Ся Хуайяня покраснели кончики ушей и даже кожа на задней части

шей просвечивала алым. Несмотря на смущение, обратился он к нему вновь по-чужому: «Цзи-цзун», отчего на душе совсем не стало веселей.

Лицо Ся Хуайяня запылало еще сильнее, тело одеревенело, и он упрямо затащил неуклюжую ложь: «Я спал, я ничего не помню».

Ся Хуайянь заметил, что у мужчины помрачнело лицо: хоть на холодных чертах и не отражалось открытого недовольства, линии лица были напряжены в его обычной строгой манере.

Ся Хуайянь, казалось, и впрямь вознамерился оборвать с Цзи Цинье любые связи — как бы тот ни сердился или что бы ни чувствовал, он просто делал вид, будто ничего не замечает.

А теперь снова забыл.

Он и Цзи Цинье изначально из совершенно разных миров, у каждого из них своя жизнь и свои дела.

Ся Хуайянь выложил ему все до единого слова, искренне выражая Цзи Цинье свои мысли.

Сегодняшнее пробуждение отличалось от обычного: он протянул руку, чтобы нащупать преграждавшую ему обзор стену, но та неожиданно оказалась мягкой.

Он не стал отводить взгляд от смотревшего на него мужчины и глядел в ответ прямо на него.

Как бы то ни было, это он сам с самого начала непонятно с чего объявился перед Цзи Цинье. Теперь Ся Хуайянь хотел во всем разобраться по-хорошему, он больше не станет и не может убегать.

Уйти отсюда, уйти из семьи Ся, он сам отыщет мать и с этого дня больше не желает оставаться рядом с Ся Сичэном и слушать хоть единую его ложь.

Ся Хуайянь думал, что Цзи Цинье сразу же согласится, но прошло много времени, а мужчина не выказывал никаких эмоций.

Прямо как при их первой встрече — совершенно нечитаемый.

Напряженная линия челюсти мужчины придавала его мужественному лицу хищное выражение.

Он медленно двинулся к нему. Подсознательно уловив опасность, Ся Хуайянь отступил на пару

шагов назад, но стоять изначально было негде, и не успел он сделать и двух шагов назад, как уперся спиной в стену.

Цзи Цинье остановился прямо перед ним, расстояние составляло всего около десяти сантиметров.

Мужчина поднял руку. Ся Хуайянь подумал, что тот хочет ударить его, чтобы выпустить пар — что ж, и это неплохо, если подобное поможет собеседнику успокоиться, он, пожалуй, сможет стерпеть.

В конце концов, он ведь фактически провел его, так что гнев был вполне оправдан.

В тот самый момент, когда Цзи Цинье поднял руку, Ся Хуайянь инстинктивно опустил голову и зажмурился.

Он боялся боли, а кулак у Цзи Цинье с виду был тяжелый, от такого удара точно кровь пойдет.

Однако прошли долгие секунды, но ожидавшаяся боль так и не пришла, а вместо этого по лицу разлилось легкое прохладное касание.

Ся Хуайянь открыл глаза и встретился взглядом с Цзи Цинье: вопреки ожиданиям, взгляд мужчины смягчился, а в голосе вместе с тоном исчезла изрядная доля холода.

«Что случилось? Расскажи мне».

Рука и голос мужчины действовали словно успокоительное. Ся Хуайянь не понимал, как тот умудряется с одного взгляда видеть насквозь все его мысли.

Ся Хуайянь терпеть не мог подобное, но когда Цзи Цинье задавал ему такой вопрос, ему все равно становилось больно, и неопишуемая тоска постепенно подступала к горлу.

Он сердился на Цзи Цинье. Зная, что не имеет на это никакого права, стоило ему лишь вспомнить, что Цзи Цинье разглядел в нем лишь «товар» для взаимовыгодной сделки, как на душе становилось тошно.

Цзи Цинье как-то спрашивал его, что он ел перед тем, как приехать в отель; тогда он уже догадывался о многом, но просто гнал от себя эти мысли.

Он думал, что та ночь была лишь чистой случайностью, но Ся Сичэн сказал ему совсем другое.

У Цзи Цинье есть деньги, и потратить немного монет, чтобы оставить кого-то при себе, для

таких богатеев, пожалуй, и вовсе пустяк.

Независимо от того, был ли он первым, оставшимся рядом с Цзи Цинье, в любом случае он далеко не последний.

Ся Хуайянь додумывал за Цзи Цинье и в то же время ненавидел себя за это — изнеженного и жеманного.

Раньше он был совсем не таким.

«Ничего...»

Ся Хуайянь отвернулся, не глядя на него. Чем больше Цзи Цинье расспрашивал и чем сильнее проявлял заботу, тем острее Ся Хуайянь понимал, что все глубже увязает в этом болоте.

Так поступать было нельзя.

«С таким-то лицом — и говоришь, что ничего».

«Правда ничего. Вам не обязательно быть со мной настолько добрым и так внимательно следить за моим настроением».

Ся Хуайянь произнес: «В конце концов, нас ничего не связывает, и вы испытываете ко мне вовсе не какие-то особенные чувства. Разве вы не согласились помочь мне лишь потому, что той ночью мы переспали? Но я не хотел.

Я вовсе не преследовал корыстных целей, забираясь к вам в постель...»

К концу фразы голос Ся Хуайяня сорвался, и он уже не мог продолжать. «И вам не нужно брать за меня ответственность, или...»

«Или?»

Ся Хуайянь нес всё больший бред, а Цзи Цинье как раз захотелось послушать, до чего же тот додумается, поэтому он немного подождал.

«Или, раз уж я пришелся вам по вкусу, вы хотите поиграть со мной какое-то время? Я так не хочу... Объятия, держание за руки — это уже чересчур, такое делают только возлюбленные. Вы меня не любите, и мы не влюбленная пара.

Я хочу уйти, и давайте прекратим сделку между нами. Я больше не буду настаивать на помощи

с делами семьи Ся — изначально эта сделка была для вас несправедливой. Раньше я не замечал этой связи и наивно думал, что вы хотите помочь просто так, а теперь я понял причину, но на самом деле я не стою стольких хлопот.

В ту ночь я приехал в отель, потому что меня напичкали таблетками. Хотя я толком ничего не помню, вина все равно на мне. Если вам нужна какая-то компенсация, я постараюсь ее сделать».

Ся Хуайянь сводил ту любовную ночь к простой случайности, но он никогда не задумывался о том, что если бы Цзи Цинье не захотел, у того нашлась бы сотня способов оттолкнуть его.

Цзи Цинье спросил: «Это всё?»

Ся Хуайянь покачал головой, лишь опустил взглядом в пол.

Они стояли слишком близко, стоило ему чуть наклонить голову, как его макушка почти касалась плеча Цзи Цинье.

«Ся Хуайянь, — позвал он. — Подними голову».

Высказав все это, Ся Хуайянь чувствовал лишь то, как бешено колотится сердце. Только что он выпаливал все, что приходило в голову, а теперь сообразил, что выразился, пожалуй, не слишком понятно, и мог показаться неприятным.

Впрочем, он никогда особо не нравился людям, и Ся Хуайянь всегда это понимал.

Стоит только отсюда уйти, как все происходящее сейчас станет прошлым.

Услышав его слова, Ся Хуайянь медленно поднял голову, и в ту же секунду его губы накрыл чужой поцелуй.

«Мм... Цзи...»

Губы мужчины были такими же прохладными, как его собственные, но исходявшее от него дыхание обжигало.

Ся Хуайянь оказался прижат к стене, отступить было некуда, а его запястья крепко сжали так, что он не мог пошевелиться.

Ся Хуайянь слегка приоткрыл рот, едва не поддаваясь этому властному поцелую; казалось, от одного лишь этого прикосновения он сейчас растает.

Он знал, что должен сопротивляться до конца, но его тело вовсе не протестовало.

«С чего ты взяло, что я согласился помочь тебе? — целуя его в губы, произнес Цзи Цинье. — Разумеется, потому, что в этом есть выгода».

Тело Ся Хуайяня, ослабленное болезнью, держалось на ногах лишь благодаря тому, что Цзи Цинье прижимал его к себе.

Его ноги настолько отяжелели, что он держался исключительно на поддержке мужчины, а уголки глаз заволокло пеленой, и они тихонько увлажнились.

Цзи Цинье взял его руку и прижал к своей груди: «Ся Хуайянь, ты просто стоишь передо мной».

Под ладонью отчаянно и гулко билось сердце, словно маленький барабан отбивая удары о его ладонь. Ся Хуайянь поднял затуманенные влагой глаза и в изумлении, растерянно уставился на этого внешне невозмутимого мужчину, чье сердце, однако, грохотало, как набат.

Цзи Цинье переспросил его: «Ты всё еще говоришь, что я тебя не люблю?»

<http://bllate.org/book/22055/2293390>